

TRANSLATION OF PROPER NAMES IN THE CONTEXT OF THE ECOLOGY OF THE LANGUAGE

Abstract: The paper presents the results of translator's individual decisions regarding transfer of significant proper names from Boris Akunin's novels into their Polish variants. The ecological perspective makes it possible to interpret multi-level subsequent relations of language units within the framework of ecosystems in both the source and the target language.

Author information:

Jolanta Józwiak
adjunct, Doctor of Science
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz
✉ jjozwiak@poczta.onet.pl
🌐 Polska

Keywords:

: Boris Akunin, translation, personal name, ecology of language.

В настоящее время в лингвоэкологии в зависимости от направленности образа взаимодействия языков [ср. 4] выделяются, как известно, три аспекта исследований: интерлингвальный, интралингвальный и транслингвальный. Интерлингвальный аспект связан с многоязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле. В рамках интралингвального подхода рассматриваются вопросы, связанные с культурой речи, стилистикой, риторикой, а также нарушениями правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи, с целью повлиять на ослабление негативных тенденций в использовании языка.

В свою очередь, транслингвальный аспект связан с диалогом культур и отражением культурной специфики в художественной литературе, фольклоре, публицистике, в которых используются различные культурно обусловленные элементы, реалии определенного языка. Эти единицы связаны с одной культурой и появляются в контексте другой культуры или должны быть в процессе перевода переданы средствами иного языка в пространстве другой культуры.

Значит, именно транслингвальный аспект охватывает сферу переводческой деятельности. Как подчеркивают Л. В. Кушнина и Е. М. Пылаева, важной предпосылкой изучения экологии перевода является рассмотрение языка в качестве экосистемы, так как, ссылаясь на определение Н. В. Ганжерли: „язык можно рассматривать как экосистему, потому что, как и экосистема, состоит из сообщества живых организмов, обитающих в определенной среде и имеющих множественные связи с этой средой, так и язык состоит из подсистем, погруженных в контекст культуры и страны и имеющих сложные взаимоотношения и взаимосвязи между уровнями языка и с другими языками” [цит. по: 3, с. 72].

Действительно, в случае перевода дело имеется с очень сложной сеткой взаимосвязей, касающихся как элементов разных уровней в рамках исходного языка, так и взаимоотношений между языком и культурой оригинала и языком и культурой перевода, а также, следовательно, учитываются (для достижения преднамеренных результатов при восприятии) связи в пространстве перевода.

Экология перевода выделяется некоторыми теоретиками как самостоятельное исследовательское направление. Например, Л. В. Кушнина и Е. М. Пылаева ее объектом считают синергетический процесс перевода как экосистему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Предметом исследования является функционирование текстов оригинала и перевода в их природном, культурном и социальном окружении [3, с. 72].

Следует отметить, что из-за своей сложности перевод рассматривается в широко понимаемом контексте, а особое внимание уделяется его культурной обусловленности. Мы хотели

бы показать на примерах, каким образом переводчик учитывает многоуровневые языковые и культурные взаимоотношения экосистем оригинала и перевода, принимая отдельные решения относительно передачи. Материалом для исследования послужат значащие имена собственные, почерпнутые из некоторых романов Б. Акунина о приключениях Эраста Фандорина и их соответствия из переводов избранных частей серии на польский язык.

По определению Н. К. Гарбовского „значащими” следует считать „такие имена собственные, которым в конкретном тексте автор придает дополнительный смысл на основе внутренней формы слова” [2, с. 470]. Внутренняя форма, понимаемая в русской лингвистической традиции как осознаваемая говорящим на некотором языке мотивированность значения, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта, играет существенную роль, поскольку помогает вызвать положительное или отрицательное по эмоциональному восприятию ассоциативно-образное представление об объекте номинации. И именно такое же восприятие должен стараться обеспечить переводчик. Как писал В. С. Виноградов «заклученная в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена» [1, с. 164].

Прозрачная внутренняя форма часто позволяет обратить внимание читателя на определенную черту персонажа, и в процессе передачи переводчик должен стараться сохранить подобного рода отношения в другой экосистеме. Можно достигнуть цели, переводя основу мотивации, ср.:

„Ангелочек манит тебя, соблазняет: не сомневайся, мол, *Лопух Дуралеич*. Что тут может быть, под этой заманчивой картиночкой, кроме полного для тебя удовольствия?” [П: 60] i

„Aniołek cię wabi, uwodzi: uwierz mi na słowo, *Cymbale Jolopowiczu*. Co może tam być, pod tym kuszącym obrazkiem, oprócz samej przyjemności?” [W: 54].¹

Как в русском, так и в польском в приведенных фрагментах значащий антропоним мотивирован синонимичными презрительными определениями человека, воспринимаемого окружением как глупый, тупой, безрассудный, т.е. *лопух*, *дурак* и *cymbał*, *jolop*. Следует подчеркнуть, что польское соответствие не является единственным возможным, оно – только одно из потенциальных, опирающихся на избранные в данной ситуации два слова из многочисленного синонимического ряда, в чем и проявляется переводческая свобода выбора при передаче креативных языковых элементов.

Не всегда возможен перевод основы мотивации, даже если слово с таким же значением имеется в другом языке. Примером может послужить значащая фамилия *Синичкина*, которая в русском языке вызывает у читателей намеренные автором ассоциации на основании внутренней формы. В польском переводе после использования транскрибированного варианта достижение такого эффекта невозможно, и переводчик прибегает к семантической экспликации значения, к сноске, учитывая роль внутренней формы передаваемой единицы как основы сравнения:

„Коломбина поневоле улыбнулась смешной фамилии. Александра *Синичкина* – это еще хуже, чем *Мария Миронова*. Немудрено, что девочке захотелось назваться *Офелией*” [Л1: 157] oraz

„Kolombina uśmiechnęła się mimo woli, słysząc owo zabawne nazwisko*. Aleksandra *Siniczkina* to jeszcze gorzej niż *Maria Mironowa*. Nic dziwnego, że dziewczyna postanowiła przybrać imię „*Ofelia*”

*Siniczka (ros.) – sikorka” [K1: 133].

В приведенном фрагменте автор высказывания сравнивает и оценивает упомянутую фамилию с другой знаковой фамилией, потому что благодаря ассоциациям отсылает читателей к героине «*Капитанской дочки*» А. С. Пушкина. Конечно, в польской аудитории элемент интертекстуального характера, каким является фамилия Миронова, независимо от наличия установленного варианта *Mironowa*, не может встретиться с таким же восприятием. Знания относительно творчества А. С. Пушкина и персонажей его произведений в русскоязычном мире существенно отличаются от знаний представителей польской культуры.

---

¹ Приведенный в тексте иллюстративный материал почерпнут из монографии автора настоящей статьи, в которой процесс принятия переводчиком решений в определенной переводческой ситуации рассматривается с учетом точки зрения реципиента, значит, исследования проводятся вокруг соотношений из заглавной триады: контексты – решения – последствия, ср. J. Józwiak, *Konteksty – Decyzje – Konsekwencje. Problemy przekładu*, Bydgoszcz 2016.

В тексте появляется также прецедентное имя *Офелия*, являющееся художественным псевдонимом Синичкиной, отсылающим читателей к героине трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет». По определению Д. Урбанек, это элемент т.н. третьей культуры [5, с. 160], т.е. культуры, чужой культурам оригинала и перевода. Надо отметить, что несмотря на это, имя способно вызывать у русскоязычных и польских реципиентов одинаковые ассоциации, поскольку знания относительно упомянутого произведения сравнимы. Ключевым фактором является степень известности имени собственного.

Не всегда значащее имя требует от переводчика особых усилий, даже если внутренняя форма довольно сложна. Бывает, что она тогда объясняется автором в тексте оригинала, как, например, в случае фамилии актрисы – главного женского персонажа романа «*Весь мир театр*». Имеются в виду соответствия *Элиза Алтаурская-Луантэн* и *Eliza Altairska-Lointaine*, ср.:

„Это имя уже не казалось Эрасту Петровичу чрезмерно претенциозным. Оно ей шло: далёкая, как звезда *Аль-Таур*... В самом начале карьеры она ярко сыграла принцессу Грезу в одноименной роستانовской пьесе – отсюда «*Луантэн*» (во французском оригинале принцессу Грëзу ведь зовут *Princesse Lointaine*, Далекая Принцесса» [ВТ: 58–9].

При настолько ярко эксплицированной мотивации в компетенции переводчика остается проверка записи наименования звезды и решение об адаптации первой части фамилии, ср.:

„Erast Pietrowicz już nie uważał, że jej nazwisko jest pretensjonalne. Pasowało do niej: odległa jak gwiazda *Altair*... Na początku swojej kariery wspaniale zagrała księżniczkę w sztuce Rostanda – stąd „*Lointaine*” (we francuskim oryginale księżniczka nazywa się *Princesse Lointaine*, Далека Кsiężniczka²) [ST: 53–4].

Возможность расшифровки читателями внутренней формы из-за ее сложности оказалась маловероятной. Объяснение находится в тексте также потому, что повторяющийся мотив отдаленности отражает как восприятие актрисы самим главным героем Эрастом Фандориным, так и отношения между ними в упомянутом романе.

Особой категорией неофициальных антропонимических наименований являются псевдонимы, один из которых упоминался в приведенном выше фрагменте (Офелия). Способы возникновения / создания псевдонимов и причины их приобретения могут быть различными. Каждое лицо может быть наделено псевдонимом для указания на определенную черту характера, внешнего вида и т.п. или может принять псевдоним по своей воле, например, по идейной причине или по любой личной причине.

Подпольные псевдонимы являются простыми для передачи, если имеют вид стандартных языковых единиц данного языка. Например, в романе «*Черный город*» кроме псевдонима неуловимого убийцы (*Дятел* – *Dzięcioł*) окказионально появляются другие конспиративные прозвища, мотивированные названиями птиц, ср.:

„При этом всякой пернатой нечисти в городе было достаточно: армянский бандит *Черный Ястреб*, лезгинский бандит *Белый Сокол*, русский налетчик просто *Сокол*, тюркский головорез *Лешиейэн*, то есть *Стервятник*, а вот про *Дятла* ничего разузнать не удалось, [...]” [Ч: 210].

Их перевод сводится к отысканию словарного соответствия, даже в случае, если мотивировка играет существенную роль, потому что ключевой является в таких случаях признак птицы, на который опирается название, а не его внутренняя форма, ср.:

„Jak na złość wszelakiego skrzydlatego diabelstwa było w mieście w bród: ormiański bandyta *Czarny Jastrząb*, lezgiński bandyta *Biały Sokół*, rosyjski rabuś po prostu *Sokół*, turkijski zbój *Leşiyen*, czyli *Sep*. Natomiast na temat *Dzięcioła* nie udało się dowiedzieć niczego, [...] [СМ: 217].

В приведенных фрагментах следует обратить внимание на одну переводческую пару соответствий: тюркский головорез *Лешиейэн* – turkijski zbój *Leşiyen*, czyli *Sep*., которая требовала от переводчика особого решения. Переводчица сочла необходимым (как и автор оригинала) подчеркнуть культурную принадлежность персонажа путем записи на турецком языке, однако дополнительно появился перевод значения. Правила записи отличаются друг от друга в русском и польском языках. Оригинальная запись не обеспечивает польскому читателю возможности свободно прочитать название, как в случае использования переводческой транскрипции в русском языке.

---

2 Следует отметить, что опущение информации о заглавии пьесы Эдмона Ростана вполне оправдано, поскольку в польской культуре она известна как *Daleka Księżniczka*.

Переводчик встречается с разными ситуациями. Иногда внутренняя форма слова может вызывать ложные или неоднозначные ассоциации. Имеется в виду пример из романа «*Статский советник*» – псевдоним лидера революционной террористической «Боевой Группы»: *Грин* – *Grin*. Облик конспиративного прозвища производит впечатление сокращенного варианта фамилии, но как в конце концов оказывается никакого отношения к ней не имеет, хотя было бы это вполне возможным и обоснованным. Кроме того, герой имеет особенность воспринимать людей через ощущение цвета находящейся вокруг их ауры. Поэтому оправданной кажется читателям возникающая ассоциация с зеленым цветом на основании расшифровки клички как записанного в русской транскрипции английского слова *green*. Ощущение цвета более усилено в оригинале в связи с естественным восприятием английско-русской транскрипции. В польском языке в данном случае процесс более сложен, однако не исключается такой же результат после того, как читатели в ходе сюжета осваиваются с транскрибированными вариантами записей. Если даже ассоциация не появляется, имеется текстовая экспликация, которую можно было бы считать элементом постмодернистской языковой игры Акунина, потому что автор намеренно вводит читателей в заблуждение:

„*Грин* знал, что его кличка по-английски значит „зеленый”, но свой цвет ощущал иначе” [C: 46] oraz

„*Grin* wiedział, że jego pseudonim po angielsku znaczy „zielony”, ale swoją barwę postrzegał inaczej” [R: 44].

До момента прямого объяснения в тексте внутренняя форма псевдонима предоставляет возможность разной интерпретации, а на самом деле мотивация оказывается следующей:

„*Григорий Гринберг* стал *Грином* в двадцать лет, после очередного побега. Прошел полторы тысячи верст, и уже под самым *Тобольском* угодил в глупую облаву на бродяг. Надо было как-то назваться, вот и назвался. Не в память о прежней фамилии, а в честь *Игнатия Гриневичского*, царевубийцы” [C: 56].

В польском варианте перевода подлинная основа мотивации остается непрозрачной, всё сводится к описанию. Причиной является использование традиционного установленного соответствия исторического персонажа, однако произошло это за счет утраты графической связи с основной мотивацией, ср.:

„Po kolejnej ucieczce, mając dwadzieścia lat, *Grigorij Grynberg* stał się *Grinem*. Przeszedł półtora tysiąca wiorst i już pod samym *Tobolskiem* wpadł podczas banalnej oblawy na włóczęgów. Trzeba było się jakoś nazwać i przyszedł mu do głowy właśnie „*Grin*”. Nie dla uczczenia swojego poprzedniego nazwiska, lecz w *holdzie Ignacemu Hryniewieckiemu*, zabójcy cara” [R: 53].

Как следует из приведенных примеров, передача значащих имен требует от переводчика внимательности, решения разных вопросов. Рассматривая этот процесс в контексте экологии языка, следует отметить, что языковая материя действительно ведет себя подобно живому организму, в котором изменение одного элемента, с виду несущественного, влияет на работу более сложных органов и систем. Таким же образом решения переводчика, выбор одного соответствия среди потенциальных, может привести к существенным изменениям в системе смыслов и ассоциаций. Поэтому так важны: индивидуальный подход к отдельным элементам и установка на читателя перевода.

References:

1. Vinogradov V. S. (2001) *Vvedenie v perevodovedenie*. Moskva
2. Garbovskij N. K. (2007) *Teoriya perevoda*. Moskva
3. Kushnina L. V., Pylaeva E. M. (2014) *Ekologiya perevoda. Sovremennye tendencii i podhody // Vestnik Permskogo universiteta*. Vyp. 2 (26). S. 70–77.
4. Poteryahina I. N. *K voprosu o sovremennom sostoyanii ehkologivisticheskikh issledovanij*. https://pglu.ru/upload/iblock/f74/uch_2012_iii_00025.pdf. dostup 07.01.2018.
5. Urbanek D. (2004) *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*. Warszawa

Sources:

- [P] – Akunin B. Osoby porucheniya. Pikovyj valet. Moskva, 2009.
[C] – Akunin B. Statskij sovetnik. Moskva, 2005.
[L1] – Akunin B. (2009) Lyubovnica smerti. Moskva
[VT] – Akunin B. (2011) Ves mir teatr. Moskva
[CH] – Akunin B. (2014) Chernyj gorod. Moskva
[W] – Akunin B. (2003) Walet pikowy, przeł. E. Rojewska-Olejarczuk. Warszawa
[R] – Akunin B. (2003) Radca stanu, przeł. Z. Landowski. Warszawa
[K1] – Akunin B. (2004) Kochanka śmierci, przeł. E. Rojewska-Olejarczuk. Warszawa
[ST] – Akunin B. (2012) Świat jest teatrem, przeł. O. Morańska. Warszawa
[CM] – Akunin B. (2012) Czarne miasto, przeł. A. Okuniewska-Stronka. Warszawa